

— Три дня прошли, я пришёл, чтобы передать тебе сообщение. Второй господин уже пригласил твоих родителей в свой дом как гостей. Но, не видя дочь столько дней, они очень скучают. Поэтому он поручил мне пригласить тебя в поместье для беседы. Не знаю, согласна ли ты, малая госпожа?

— Вы...

Юнь Нянь крепко сжала свадебное платье в руках, не зная, что делать. Она не знала, когда вернётся господин Цзян, и как она могла рискнуть разозлить Ци Тая и Лю Шаоюаня? Она опустила глаза:

— Передай Второму господину, что я приду, как только закончу шить свадебное платье. Надеюсь, он... позаботится о моих родителях. Иначе я, даже став духом, не оставлю его в покое.

— Ха! Полагаю, ты не посмеешь играть с нами. Пошли!

Ци Тай поторопил своих людей, поспешно удаляясь, опасаясь, что тот зловеющий дух снова появится. Сегодня он привёл с собой много людей, но всё же чувствовал себя неуверенно.

Прошло ещё два дня. Свадебное платье было почти готово, оставалось лишь вышить золотую окантовку. Но господин Цзян всё не возвращался. Юнь Нянь, глядя на ярко-красное платье, чувствовала себя растерянной. В конце концов, она отложила его в сторону и решила лечь спать пораньше. За окном завывал ветер. Юнь Нянь поправила волосы, развевающиеся у лица, и выглянула наружу. В бескрайней тьме на дворе лежали опавшие листья, а тучи нависали так низко, что ей стало трудно дышать:

— Наверное, будет дождь...

Она сняла подпорку с окна и закрыла его. Затем умылась, задула свечу и легла в постель. Последние две ночи ей снились кошмары, и она чувствовала себя измотанной. Поэтому она быстро заснула.

Гром гремел один за другим, время от времени освещая комнату яркими вспышками молний. Возможно, из-за духоты Юнь Нянь в полусне сбросила с себя одежду, и уголок её красного нижнего белья обнажился. Её округлые плечи и длинная шея, обвитые чёрными волосами, выглядели ещё более белоснежными на фоне красного и чёрного. Вспышки молний делали её красоту почти нереальной. Тень, проникшая в комнату, увидев это, почувствовала, как кровь прилила к голове. Не в силах сдержаться, он, подогретый алкоголем, бросился на неё.

Ещё один удар грома разбудил Юнь Нянь. Молния осветила комнату, и она увидела искажённое лицо мужчины, его похотливый взгляд. Он прижал её к себе, и его горячее тело обжигало её кожу, заставляя желать смерти.

Это должен быть кошмар.

Гром не смолкал всю ночь, а ливень, казалось, пытался смыть следы происходящего. Крики и плач женщины, тяжёлое дыхание мужчины — всё было заглушено шумом дождя.

Греховные желания всегда находят своё воплощение в темноте ночи.

Мужчина, потративший пол ночи на свои утехи, уснул крепким сном, а женщина лежала с пустым взглядом, не сомкнув глаз всю ночь. Её тело болело, но ненависть в сердце заглушила

всю боль, оставив лишь чувство унижения и отчаяния.

Теперь она была грязной. Она больше не достойна господина Цзяна.

Юнь Нянь нащупала нефритовую подвеску у изголовья, и её глаза снова наполнились слезами. Оттолкнув Лю Шаоюаня, она накинула на себя халат и, едва держась на ногах, подошла к зеркалу. В отражении она увидела женщину с растрёпанной одеждой, покрытую синяками, следами от укусов и царапин. Между её ног стекала смесь крови и белой жидкости...

— Какая же я грязная.

Её первый муж, Лю Шаоцин, с детства был болезненным. Она вышла за него замуж только для того, чтобы принести в дом удачу. За год совместной жизни Лю Шаоцин был слишком занят лечением, чтобы думать о супружеских обязанностях. Поэтому Лю Шаоюань обратил своё внимание на свою невестку, которая не была ему женой. Она не могла больше терпеть и намеренно разозлила свекровь, чтобы её отпустили. Так она вернулась в деревню Сун. Именно поэтому она осмелилась надеяться, что господин Цзян возьмёт её к себе. Но теперь всё было разрушено.

Её взгляд упал на шпильку перед зеркалом. Юнь Нянь взяла её в руку и крепко сжала.

Когда острое шпильки полностью вошло в шею Лю Шаоюаня, он наконец открыл глаза. Удивление, гнев, злоба — но ни капли раскаяния. Как он мог сожалеть? Он всего лишь спал с будущей наложницей. Уголок губ Юнь Нянь дрогнул в улыбке, и, когда Лю Шаоюань попытался схватить её за шею, она изо всех сил вытащила шпильку и снова вонзила её. Лю Шаоюань схватился за свою шею, беспомощно дёргая ногами на кровати. Юнь Нянь даже услышала, как он захлёбывался собственной кровью. Какой приятный звук! Шпилька, испачканная кровью, снова и снова вонзалась в его тело. Она даже не заметила, когда он перестал дышать, только почувствовала, как силы покинули её, и она бессильно опустилась на пол у кровати.

Кровь медленно растекалась, пропитывая простыню и капая на пол. Звук капель — «кап-кап» — отчётливо раздавался в тишине комнаты. Вскоре под кроватью образовалась небольшая лужа крови. Едкий запах крови наконец перебил зловоние, наполнявшее комнату. Юнь Нянь опустила палец в кровь и начала бесцельно рисовать круги на полу, постепенно выводя имя господина Цзяна.

Словно забыв, что на кровати лежит мёртвец, Юнь Нянь приняла ванну, чуть не содрав с себя кожу, затем надела одежду и села у окна, как всегда вышивая свадебное платье. Но в её глазах больше не было радости. Она была полностью поглощена шитьём, не замечая, как игла ранила её пальцы, оставляя бесчисленные пятна крови на платье. Она была словно безжизненная кукла, лишённая эмоций.

Прошёл день, но никто не пришёл искать Лю Шаоюаня. Для мужчины, который часто проводил время в борделях, его отсутствие было обычным делом. А свадебное платье Юнь Нянь было наконец готово. Золотые нити украшали ярко-красное платье, делая его изысканным. Юнь Нянь без эмоций надела его, затем не спеша нанесла лёгкий макияж. Даже с минимальным количеством косметики она выглядела ослепительно красивой.

Деревня Сун была окружена горами и рекой, которая огибала большую часть поселения. Ресторан Юнь Нянь находился не в центре деревни, а на окраине, недалеко от реки и вдали от других домов. Поэтому, когда она в ярко-красном свадебном платье подошла к воде, никто этого не заметил.

Юнь Нянь сжимала в руке нефритовую подвеску и шаг за шагом входила в воду. Подол платья расстился по поверхности, постепенно погружаясь в глубину.

Небо после дождя было особенно чистым. Заходящее солнце висело на горизонте, а окружающие облака, словно покрытые лёгкой дымкой, переливались оранжевыми оттенками. Чистая вода реки сверкала в лучах заката, наполняя всё вокруг теплом.

Господин Цзян, увидимся в следующей жизни.

Пока Юнь Нянь рассказывала свою историю, Цзян Цинь почувствовал, как его сердце пронзили тысячи стрел. И каждый раз, когда из её уст звучало слово «суп из красных бобов», взгляд Сун Юй, обращённый на него, заставлял его чувствовать себя ещё более неловко. Он просто не мог понять, в чём он был виноват? Сун Юй знал, что он сопровождал его в мирской тренировке, так почему же он не сказал ему несколько искренних слов благодарности, держа его за руку?

Юнь Нянь уже начала рассказывать о тех, кого убила за эти годы. Под взглядами, которые бросали на него в зале, Цзян Цинь больше не мог слушать и прервал её воспоминания:

— Я не знал о значении супа из красных бобов. Эта нефритовая подвеска была подарена мне кем-то другим, и я случайно оставил её в вашем ресторане. Я никогда не говорил, что испытываю к вам чувства. Всё это было лишь вашим желанием. И хотя убийство того, кто причинил вам зло, можно оправдать, за более чем тысячу лет из-за вас многие лишились возможности переродиться. Никакая обида не может быть оправданием для причинения вреда невинным.

<http://bllate.org/book/16244/1460774>